

СПОСОБНОСТЬ ПОКАЯТЬСЯ – ЭТО ДАР ОТ БОГА?

На вопросы отвечает священник Георгий Кочетков

— *Есть работа, которая нравится. Очень много дел, которые надо сделать, большие цели, но вместо того, чтобы заниматься дома после работы делами, хочется отвлечься, ни о чём не думать, спрятаться в свою нору. А дела не делаются. Как с этим справиться?*

— Ваш вопрос можно рассматривать на разных уровнях: смотря какие дела и смотря какая «нора». В разных ситуациях будут разные ответы. Будем считать, что у Вас ситуация (довольно распространённая в наше время), когда человек действительно поработал, то есть немного пошевелился днём, а потом приходит домой, и ему хочется расслабиться, отдохнуть, и даже не потому, что он устал, а потому что такова привычка. Ещё одна причина — слишком большие эмоциональные напряжения, которые в наше время возникают каждый день. Чаше всего люди сами виноваты в этом, потому что у них не то чтобы слишком велик объём дел, но их подавляет суета, огромное количество лишнего, зряшного. Когда человек делает много хорошего, действительно соответствующего воле Божьей, он не устаёт и ему не нужно лишний раз прерываться, отдыхать. Все эти желания преследуют лишь человека, сердцем преданного суете, подчинившегося ей — не важно, добровольно или недобровольно. Если Ваш случай именно такой, нужно просто освободиться от суеты и направить свои усилия на познание воли Божьей. Нужно знать, чего хочет Господь от Вас лично, т.е. знать своё призвание, понимать, зачем Вы живёте на земле. Иначе говоря, нужно начинать с самого главного в жизни — с её смысла. Чтобы в Вашей жизни было меньше инерции, бессмыслицы, пустоты, меньше грехов и пороков, злости, зависти, безверия, Вам нужно подумать, «что такое хорошо и что такое плохо», как и чем Вы живёте, зачем Вы работаете, приходите домой, делаете одно, другое, третье... Та расслабленность, граничащая с унынием, о которой Вы говорите, — следствие именно неустроенности Вашей внутренней, духовной христианской жизни, даже если Вы считаете себя человеком верующим. Постарайтесь найти свой путь, не просто исходя из соображений полезности, ведь они часто бывают слишком субъективны, а то и затронуты эгоизмом, но ища большего. Думайте, молитесь и действуйте.

Покаяние Давида. Иллюстрация к Библии Юлиуса Шнорр фон Карольсфельда

— *Почему православие в XXI веке рвётся к власти?*

— Не совсем понятно, что Вы имеете в виду, нужно было бы уточнить этот вопрос. Видимо, речь о том, что снова, как это было прежде, в византийское и русско-имперское время, оживает чрезвычайно опасная для церкви идея симфонии, т.е. «согласия» церкви и государства. И если она воплотится в жизнь, церкви придётся нести на себе ответственность за все грехи власти. Ведь если имперская власть, которая всё-таки была довольно основательной и христианской, приводила церковь к параличу и краху, как это случилось в 1917 году в России, то уж тем более этого можно ожидать от нынешней власти, которая имеет куда меньше оснований называться христианской, независимо от того, верующие или неверующие люди стоят на самом верху. Они могут быть искренне верующими, но природа власти от этого ещё не меняется. Одно дело субъективное настроение того или иного человека, а другое дело работа системы, которой они вынуждены подчиняться, потому что перестроить её, как правило, не могут или не умеют. Так что

подумайте сами над своим вопросом. Православие проповедует свободу. «Где Дух Господень, там свобода», — вот самое главное, что Вы должны знать, и сами не поддаваться искушению властью, чудом или хлебом, как это описано в Евангелии. Давайте каждый из нас прежде всего начнёт с себя, стремясь быть носителем Духа Господнего, Духа Свободы. И только после этого мы сможем увидеть, как освободить церковь от пут излишней надежды на человеческое, на внешнее, на переходящее, государственное.

— *Стоит ли продлевать жизнь на земле, если мы посланы мучиться за грехи своих предков в болезнях, войнах, предательстве, лицемерии? Не лучше ли умереть при родах?*

— Это странный вопрос. Непонятно, как у Вас возникло убеждение в том, что мы призваны страдать за грехи предков. Это позиция не христианская в принципе. Подумайте, откуда она у Вас. Попытайтесь согласовать её со словом Христовым, с Евангелием, с христианским отношением к жизни человека, к смыслу этой жизни. Тогда Вы поймёте, что хри-

стианство должно освобождать человека от греха и смерти, а не подчинять его им. Христианство призвано возрождать личность во всей полноте и свободе духа и смысла её существования. У Вас здесь произошёл какой-то «системный сбой», и нужно говорить о самых началах жизни, о том, хотите ли Вы быть христианином, и если да, то насколько это реально осуществляется в Вашей жизни, насколько Ваше умонастроение соответствует воле Божьей и истине. Надо делать всё, чтобы человек жил — и при этом жил осмысленно и духовно, чтобы он стремился к полноте и совершенству жизни. Если это будет так, то мысли, подобные тем, что содержатся в Вашем вопросе, никогда больше не придут Вам в голову.

— *Способность покаяться — это дар от Бога? Может ли быть так, что человек просто не способен к покаянию?*

— Да, действительно, покаяние — дар от Бога; но смысл этих слов в том, что способность к покаянию дана человеку изначально, вложена в саму его природу, в его сердце, даже независимо от того, верующий он или неверующий. Это не просто дар благодати или плод подвига веры, который может быть, но может и не быть дан человеку. Нет, Бог даёт этот дар каждому человеку. Поэтому нет людей, которые не могли бы покаяться. Другое дело, что им может мешать гордыня или уныние — главные враги покаяния. Человеку не хочется себя смирать, находить свою меру, обретаť внутренний мир. Ему не хочется освободиться от уныния, от пассивного и раздвоенного состояния, потому что это духовный труд и в каком-то смысле духовный риск. А человек в наше время нередко привык жить растительным образом. Если Вы увидите в себе хоть какие-то из этих вещей, то от них Вам надо освободиться. Я не думаю, чтобы Ваша жизнь была связана с невозможностью покаяться. Если у Вас есть силы для покаяния, покажите пример тем, у кого их нет, попытайтесь свидетельствовать о силе Божьей любви, которая распространяется, к слову говоря, на каждого человека на земле — и через нас, верующих, и непосредственно через обстоятельства. Просто люди не умеют взять этот дар и поэтому сомневаются в благодати Господней, в том, что Он готов простить всякого кающегося, открывающего своё сердце для изменения жизни, в чём и заключена цель покаяния.

Российская поэтесса Ольга Седакова стала лауреатом итальянской премии «Кампосампьеро», которая вручается за религиозную поэзию. Премия была присуждена Седаковой «за необыкновенную силу ее стихов и постоянный поиск божественного в человеке и вещах».

Ранее эту премию, существующую уже 40 лет, вручали только итальянским поэтам. В жюри премии в этом году входили теолог Эльда Матерлоццо Форин, американский литературный критик Сиобан Нэш-Маршалл и другие; возглавляла жюри итальянская писательница Антония Арслан.

Премия «Кампосампьеро» была учреждена поэтом и священником Давидом Мария Турольдо и вручается раз в два года. Таким образом, Седакова стала лауреатом юбилейной, 20-й по счёту, премии.

Мы попросили Ольгу Александровну ответить в связи с этим событием на несколько вопросов.

ЧТО ТАКОЕ «РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ»

— *Случайно ли, что именно Италия оказалась столь чуткой к Вашим стихам? Много ли в мире существует премий, подобных «Кампосампьеро»? В чем их главная задача?*

— В Италии меня не больше читают и переводят, чем во Франции или в Германии, в Дании, Швеции или Албании (я называю только страны, где мне довелось получать награды). В Европе и в Америке у меня много чутких и прекрасных читателей. Вопреки расхожему мнению, современным просвещённым людям нужна поэзия, они отыскивают её по следу, по запаху (ведь что остаётся от стиха в переводе?) Но такой премии, как Кампосампьеро — «за религиозную поэзию» — я больше не знаю. Вероятно, дело в том, что Ита-

лия и в наши дни не дехристианизирована в такой степени, как другие страны. Там возможно сотрудничество духовных инстанций (инициатором премии, которой уже 40 лет, был большой францисканский монастырь святынь Антония Падуанского) с городскими властями, с университетскими кругами, со светскими писателями и учеными. Во всяком случае, в падуанских местах, которые для Италии в некотором смысле то же, что для России — Свято-Троицкая лавра. Как в России веками, когда говорили «Преподобный», не добавляя имени, все знали, что речь идет о преп. Сергии Радонежском, так и в Италии «Святой» (il Santo) без имени — это Антоний Падуанский, великий чудотворец и богослов.

Я уже имела возможность видеть, как всерьёз католическая церковь относится к художественному творчеству, и особенно — к современному творчеству. Если при нас возникает вдохновенное искусство, это знак того, что Дух Святой не покинул землю. Так несколько лет назад сказал мне при личной встрече Бенедикт XVI, тогда еще кардинал Ратцингер. Не только он, не только его предшественник Иоанн Павел II (сам поэт) так ревностно следят за тем, что происходит с художниками. Это скорее общее мнение, и настоятель Антониева монастыря, брат Оливьеро, входивший в жюри, тоже так думает. Нельзя дать умереть человеческой душе, а самым впечат-

Что такое «религиозная поэзия»

Окончание. Начало на с. 1

ляющим образом она живет в творчестве. Таков замысел подобных премий и вообще очень глубокого обращения церкви к великим художникам других времен, о чем постоянно беседует в телевизионных передачах кардинал Равази, глава Папского Совета по культуре. В художниках ищут не «церковной партийности» (боюсь, у нас вышло бы именно так), а живой глубины человека. Обратите внимание на формулировку премии: «за необычайную силу стихов».

— В чем актуальность религиозной поэзии? Ведь в мире много неверующих или «теплохладных» по отношению к вере людей...

— В ответном слове при вручении премии я говорила о том, что любое настоящее поэтическое создание имеет религиозное значение. Современные богословы со мной не стали бы спорить об этом. В более узком смысле «религиозной поэзией» можно называть стихи автора, который наделен личной верой. И опять же, «тема» таких стихов не так существенна. Поэзия — не пропаганда каких-то готовых тем и идей. То, что она передает, — состояние человека, сложившего эти слова. Больше всего его передает сама плоть произведения — ритмы в поэзии, цвет в живописи, линия в рисунке. Сочинения на благочестивые темы, состоящие из мутных, грубых, эпигонских частиц, бездарные сочинения — это никак не во славу Божию. Осмелюсь сказать, это кошунство. И наоборот: простой натурный натюрморт, написанный Раисой Флоренской, — несомненно религиозная живопись. В его живописной ткани мы переживаем чуткость, бережность, бескорыстие руки мастера — благоговяющей руки, и чистоту зрения, какая может быть только у человека с духовным опытом. В этом смысле поленовский «Московский дворик» для меня несопоставимо более религиозное произведение, чем гротескные уродства Э. Неизвестного на «духовные» темы (не говорю уж о таких вещах, как изделия И. Глазунова).

Я совершенно убеждена, что в наше время у человека верующего — при прочих равных — больше возможностей создать большую вещь искусства, чем у других. Его опыт интереснее и сильнее. А то, что отталкивает нас в множестве современных созданий, — именно заурядность личного опыта автора, его бедность, монотонность, какая-то никчемность. Конечно, к этому опыту, если он хочет стать производителем искусства, необходимы еще и чисто артистические способности — и определенная культурная искушенность в своем деле, так я бы это назвала.

— Должно ли слово о христианстве, чтобы быть лучше услышанным сегодня, облекаться в одежды прикровенного, а не прямого вопрошания, обращенного к человеку? Стихи для этого лучше подходят?

— Боюсь, что слово о христианстве не очень-то и нужно. Нужно слово из среды христианства, изнутри. В «Божественной Комедии» Данте, успешно ответив на догматические вопросы апостола Петра о вере, слышит: «Вес монеты правильный, и чекан верный. А теперь скажи мне: у тебя в кармане она есть?» («Рай», XXIV 83—85). Это вопрос не только к «религиозному художнику». Зачем нам самое правильное описание отсутствующих монет? Если же она у тебя в кармане есть, ты можешь ей за что-то заплатить. Например, за натюрморт или стихи о зиме. Или — за пределами художества — за то, например, чтобы хорошо принять гостей.

Вопросы задавал
Максим Дементьев

ВЕРНОЕ ДИТЯ

О.А. Седякова об Осипе Мандельштаме

— Как рано Мандельштам увидел и осознал фундаментальную разрушительную сущность нового, советского режима?

— Мандельштам не был политическим мыслителем. Он не видел мир в категориях «классов», «партий», даже «режимов». Он не был человеком «идейным», как часто бывает с русскими интеллигентами. Н.Я. Мандельштам гораздо резче и системнее видит социальную реальность (я имею в виду ее воспоминания), видит всю работу этой государственной машины, ее узлы и винтики. В свое время для меня и для многих моих ровесников «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам стали своего рода учебником политической истории СССР, пособием по сознательному сопротивлению этому уродству и невежеству. В этом смысле проза Надежды Яковлевны — замечательное дополнение к творчеству О. Мандельштама. Ее мысль с мандельштамовской роднит радикализм; но это несколько разные радикализмы.

— Разделим землю на две части, в одной половине будете вы, а в другой останусь я, — эти слова Мандельштам сказал не большевиком вождем, а своему посетителю, бездарному стихотворцу. Беда в том, что внятно объяснить причину такой абсолютной несовместимости невозможно. Но я предпочла бы для нее любое название, только не «эстетическое».

Мандельштам, художник по призванию, живет наощупь — или же «вооруженный зрением узких ос» (это не значит: наивно или слепо; просто это другой способ ориентироваться в происходящем; «ось земную» он чувствует, а детали политики вряд ли). Кроме того, Мандельштам исходно доброжелателен (и это тоже природное свойство художника — сравните ответ Пушкина на вопрос о том, что он больше всего ценит в человеке: благоволение), он готов любоваться всем хорошим, что ему встречается, не затрундываясь «принципиальностью», он рад одобрять и восхищаться. Вспомним такие его поздние стихи, как «Еще мы жизнью полны в высшей мере» (1935). Легко представить, в какой жуткий гротеск превратилась бы сцена стрижки советских детей под машинку у Д. Хармса. А здесь:

*И падают на чистую салфетку
Разумные, густеющие прядки.*

Жуть прокрадывается в эти «одобряющие», любующиеся стихи как будто помимо воли автора, как ненароком попавшая на язык в первой же строке «высшая мера».

Недаром политическая позиция Мандельштама часто представляется его исследователям неопределенной и даже «просоветской» — и дело не только в мучительной и вымученной оде Сталину, отнюдь!

На Красной площади всего круглей земля...

Так М.Л. Гаспаров из анализа «Стихов о неизвестном солдате» заключает, что «идейно» Мандельштам не был врагом режима — только эстетически. Только!

Да, политической определенности типа белогвардейской в случае Мандельштама было бы ожидать нелепо. Мандельштам не стал бы воевать за «мир державный», он ждал нового. Народнические и марксистские настроения были ему знакомы с гим-

назических лет. Его школьные стихи написаны в некрасовской манере — и некрасовская нота неожиданно возвращается в самых поздних «дантовских» стихах. Так что «правым», «консерватором» он никак не мог стать:

*Восходишь ты в глухие годы, —
О, солнце, судия, народ!*

Но уже эта торжественная ода Февральской революции — «Сумерки свободы» — звучит как роковое предсказание.

*В ком сердце есть — тот должен
Слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет.*

А в дальнейшем... Мандельштам абсолютно не мог примириться с жестокостью («не волк я по крови своей!»), с господством тупости и грубости, с закабалением человеческого гения. С поруганием «мировой культуры», по которой он тосковал, что значит — игры и духовного веселья, «дыханья, дыханья и пеня». Не «египтян государственный строй», который «украшался отборной собачиной», а свободная Эллада — мир Мандельштама. «Обула Сафо пестрый сапожок». В новом советском мире не было миллиметра, где такое могло бы происходить. К 30-м годам это было слишком очевидно.

*И Шуберта в шубе застыл талисман —
Движенье, движенье, движенье.*

Я думаю, что усиление изоляции Мандельштама в советской реальности происходило не оттого, что его взгляды становились определеннее в политическом отношении, а оттого, что сам этот новый мир принимал все более безнадежные черты, коснел и каменел, «советскость» занимала все пространство жизни, воздуха не оставалось. Я думаю, что «эстетическое» сопротивление Мандельштама в действительности много глубже, чем конфронтация разных политических программ.

— Какие трагические последствия внутренних искажений человеческой личности, удовлетворенные поэтическим слухом и взглядом Мандельштама, на Ваш взгляд, присущи и нынешнему человеку? К чему стоит приглядеться в себе самих, в общественных тенденциях, чтобы освободиться от этих последствий?

— Среди многих, утрата приветливости — об этом свойстве «нового человека» Мандельштам пишет в прозе. Простой доброжелательности и доверительности друг к другу. Нельзя, впрочем, не заметить, что за последние десятилетия, начиная с горбачевских лет, с этими свойствами у нас стало много лучше.

А вот с другими признаками одичания — еще нет. Утрачено умение быть собеседником (а не рассказчиком, который других не слушает) — об этом больше писала Н.Я. Мандельштам. Очень плохо с вниманием, которое О. Мандельштам назвал «доблестью лирического поэта», а П. Целан — естественной молитвой души.

Затем, цинизм, которым у нас отличаются даже совсем юные люди, и сила этого цинизма поражает при сравнении с европейским или американским статистическим человеком. Равнодушие к правде.

Из «СТИХОВ О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ»

*Этот воздух пусть будет свидетелем,
Дальнотойное сердце его,
И в землянках всеядный и деятельный
Океан без окна — вещество...*

*До чего эти звезды изветливы!
Все им нужно глядеть — для чего?
В осужденные судьи и свидетеля,
В океан без окна, вещество.*

*Помнит дождь, неприветливый сеятель, —
Безымянная манна его, —
Как лесистые крестики метели
Океан или клин боевой.*

*Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.*

*Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,*

*Как мне с этой воздушной могилой
Без руля и крыла совладать.*

*...Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей,
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.*

*Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте, —
Доброй ночи! всего им хорошего
От лица земляных крепостей!*

*Неподкупное небо окопное —
Небо крупных оптовых смертей, —
За тобой, от тебя, целокупное,
Я губами несусь в темноте —*

*За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил:
Развороченных — пасмурный, осенний
И приниженный — гений могил.*

К чести. Самонадеянная глупость. Презрение к «слишком сложному», «заумному». Да, отсутствие какой-то глубокой — я бы сказала, онтологической — скромности. Скромных людей уничтожили, выжили, а все пространство заняли бойкие.

— Что, на Ваш взгляд, позволило Мандельштаму обрести бесстрашие перед смертью («Я к смерти готов»)? В чем причина обретения невероятного вдохновения и силы в стихах «Воронежских тетрадей», написанных в самые безнадежные годы?

— Чтобы выдержать натиск нечеловеческих сил, человеку нужно иметь что-то такое, что сильнее его. Чем не он владеет, а что владеет им. В случае Мандельштама это особенно ясно: он не принадлежит «героическому» складу, он не воин и не стоик. Все мемуаристы вспоминают его детскость и ребячество. Но он — особое дитя: верное. Он — всего лишь — послушен тому, что для него всего дороже: как называть это? Может быть, повторить за ним: «высокое племя людей»?

*За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов...*

Или так:

*Быть может, мы Ая-София
С бесчисленным множеством глаз.*

Мандельштам стал исповедником достоинства дара, художественного прозрения и достоинства человека — свободного и творческого, создающего «пятую стихию» — перед лицом небывалого человекоборчества.

— Что для Вас наиболее дорого в личности и творчестве Мандельштама?

— Конечно, то, что он создал: стихи необычайной, новой красоты, выросшей из пушкинской, но при этом такой, какой до Мандельштама в русской поэзии не было. Эсхатологической красоты.

*И дугами парусных гонок
Зеленые формы черта,
Пространство играет спросонок —
Не знавшее люльки дитя.*

— Ваше любимое стихотворение Мандельштама?

— Их много, и в разное время разные стихи были любимей других. Но уже давно это «Восьмистишия» и «Стихи о неизвестном солдате». «Солдата» можно назвать звуковым и образным слепком «Божественной комедии» в русском двадцатом веке. Или аналогом Мессинского «Квартета на конец света».

Вопросы задавали Юлия Балакшина
и Нина-Инна Ткаченко

¹ Цитата из воспоминаний С.И. Липкина. «Угль, пылающий огнем». — О. Мандельштам. Собр. соч. в четырех томах. Том третий. Арт-Бизнес-Центр, М., 1994. С. 19.

*...Для того ль заготовлена тара
Обаянья в пространстве пустом,
Чтобы белые звезды обратны
Чуть-чуть красные мчались в свой дом?*

*Слышишь, мачеха звездного табора,
Ночь, что будет сейчас и потом?*

*Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
— Я рожден в девяносто четвертом,
Я рожден в девяносто втором... —
И в кулак зажимаю истертый
Год рожденья — с гурьбой и гуртом
Я шепчу обескровленным ртом:
— Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году — и столетья
Окружают меня огнем.*

1—15 марта 1937 года